

РЕТРОСПЕКЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ОБУСЛОВЛЕННЫХ ИМИ КРИМИНАЛЬНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ РОССИИ

И.В. Никитенко

Филиал ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Дальневосточному федеральному округу,
пер. Казарменный 15, г. Хабаровск, 680020,
e-mail: dfvnii@mail.ru

Миграционные процессы в дальневосточной части России происходили в прошлом и имеют место в настоящее время. Выражались они специфически и были обусловлены особенностями освоения Россией восточных территорий, происходящими здесь политическими событиями и большой протяжённостью границ с другими азиатскими странами. Во все времена внутренняя и трансграничная миграция сопровождалась криминальными проявлениями со стороны мигрантов. Российское государство с переменным успехом противодействовало этим проявлениям и стремилось к обеспечению своей миграционной безопасности. Анализ опыта такого противодействия актуален для разработки криминологического обеспечения миграционной безопасности в этой части России.

Ключевые слова: миграционные процессы, иностранная миграция, миграционная безопасность, незаконная миграция, криминальные угрозы и риски, социальная напряжённость.

Обращение к теме миграционных процессов на Дальнем Востоке России и связанных с ними криминальных проявлений в прошлом обусловлено потребностями обеспечения миграционной безопасности на этой территории в настоящее время.

По показателям преступности иностранных мигрантов Дальневосточный федеральный округ (ДФО) входит в тройку (наряду с Сибирским и Уральским федеральными округами) наиболее неблагополучных регионов. Анализ статистических данных показывает, что количество преступлений такого рода от года к году нарастает. Если в 2008 г. преступления, совершённые мигрантами в Дальневосточном ФО, составляли около 5% от общего количества преступлений, то в последующие годы этот показатель увеличился до 7%.

В исторической ретроспективе государству удавалось снижать показатели миграционной преступности и даже почти полностью искоренять отдельные виды преступлений. Изучение этого опыта значимо для решения подобных проблем сегодня.

Дальний Восток современной России составляет более 1/3 территории страны с самой большой протяжённостью границ с примыкающими к ней странами, низкой плотностью населения и активной внутренней и трансграничной миграцией. Если со времён российского землепроходчества и колонизации этих территорий население дальневосточной России непрерывно увеличивалось, то сегодня оно уменьшается – укоренившиеся ранее на этих землях россияне больше эмигрируют, чем иммигрируют. Иностранная же миграция чаще всего имеет челночный характер и нередко сопряжена с криминальными проявлениями.

На разных исторических этапах освоения Россией дальневосточных земель всегда происходили миграционные процессы, и государство с разной интенсивностью и успешностью делало усилия по минимизации связанных с миграцией угроз национальной безопасности.

Цель данной работы – показать миграционные процессы и обусловленные ими криминальные проявления в дальневосточной части России с XVII по XX вв.

Начало переселения из европейской в дальневосточную часть России принято связывать с известными экспедициями российских землепроходцев Петра Бекетова (примерно 1600–1661), Ерофея Хабарова (примерно 1603–1671), Семёна Дежнёва (1605–1673), Василия Пояркова (примерно 1610–1667), Витуса Беринга (1681–1741), Владимира Атласова (примерно 1661–1711) и др. Первые русские поселения на берегу Охотского моря были отмечены в 1639 г. Переселение россиян на Восток было закономерным, ибо западные территории уже были заняты другими народами, а стремление страны к экономическому и политическому развитию требовало расширения занимаемых ею территорий. Вслед за землепроходцами-исследователями на эти земли направлялись воинские формирования, рекруты, каторжане и ссыльные, по жребью уральские, западносибирские казаки и другие «служилые люди». По собственной инициативе мигрировали сюда наиболее предприимчивые купцы, промышленники, бежали от феодальных повинностей крестьяне и от преследований за веру старообрядцы [1].

Для России такого рода миграция осуществлялась в геополитических и экономических интересах государства, но она противоречила интересам ранее сложившегося на этих территориях Сибирского ханства, во главе которого стояли потомки ханов Золотой Орды, а также традиционным укладам жизни коренных народов, что нередко вызывало военные конфликты. Иначе говоря, уже тогда миграционные процессы несли собой обеим сторонам угрозу национальной безопасности.

Кроме российских переселенцев, на северные территории Дальнего Востока мигрировали и часто селились на них представители Кореи, Китая, Монголии, Японии и других государств Азии и даже Европы и

Америки.

Нарастание миграции из зарубежных стран в дальневосточную часть России наметилось во второй половине XIX в., когда по Айгуньскому договору к Российской Империи отошли территории Приамурья и Приморья, на них стали развиваться крупные города – Благовещенск (прежде Усть-Зейск), Хабаровск, Владивосток и другие. Наиболее интенсивно иммигрировали на присоединённые земли корейцы и китайцы в поисках природных богатств и работы. Большинство из них ориентировались на сезонные работы в летний период, а из-за недостатка таковых часто занимались криминальными промыслами: контрабандой спирта, наркотиков и оружия; различными видами браконьерства; совершали кражи, грабежи и разбои.

Особую миграционную опасность в прошлом представляло собой движение хунхузов – трансграничных преступных сообществ, промышлявших преимущественно грабежами и разбоями, похищениями людей и работоторговлей, другими видами преступной деятельности. Причём, в хунхузничество были вовлечены не только представители сопредельных стран, но и подданные Российской Империи. К примеру, весной 1907 г. в окрестностях Харбина была обезврежена банда русских разбойников, возглавлявшаяся русской женщиной. В ноябре того же года на Восточной линии КВЖД китайскими военными был задержан рядовой 15-й роты железнодорожного батальона Заамурского округа погранстражи Ипарин, незадолго до того покинувший часть вместе с еще одним солдатом и укравший при этом 15 винтовок. Оба дезертира примкнули к хунхузам, действовавшим в районе станции Мулин [7].

Нарастание иммиграции на северо-востоке Китая в конце XIX в. сказывалось и на дальневосточной части России. Общее количество китайцев, проживающих в приграничных территориях, по разным оценкам, доходило до 450 тыс. чел. Кроме этого, в дальневосточном и восточносибирском регионах России проживала достаточно многочисленная корейская диаспора, насчитывающая от 35 до 40 тыс. чел. [5].

Наименьшей в те времена из трансграничной миграции в эту часть России была японская иммиграция. Так, по данным переписи 1897 г., количество японцев во Владивостоке равнялось 1249 чел., в Хабаровске – 206 чел., в Николаевске – 92 чел., в Благовещенске – 227 чел. Японцы поселялись преимущественно в крупных городах и занимались в основном деятельностью в соответствии с заключённой в то время двусторонней российско-японской рыболовной конвенцией. В этой связи японская миграция была наибольшей на Сахалине и Камчатке, так как японские власти поощряли наем своих подданных на рыбной путине в прибрежных районах Дальнего Востока и официально не считали это эмиграцией в другие страны.

Российские власти опасались укрепления влияния японцев в прибрежных районах Дальнего Востока и, вопреки заинтересованности российских рыбопромышленников в привлечении низкооплачиваемых японских работников, стремились ограничивать их деятельность.

В полосе отчуждения Южно-Маньчжурской железной дороги, находившейся под японским протекторатом с 1905 г., большое распространение получила криминальная деятельность подданных Японии. Некоторые из них возглавляли крупные отряды хунхузов. Их банды сотрудничали с японскими военными и разведывательными структурами, укрываясь на территориях, контролируемых японцами на основании «Портсмутского договора» [3].

С началом Первой мировой войны части немецких и австрийских военнопленных, находившихся в Восточной Сибири и Приамурье, удалось бежать на территорию Маньчжурии. Есть сведения, что некоторые из них также примкнули к бандам хунхузов [5].

Распространение хунхузничества и других видов организованной преступной деятельности на заселяемых территориях дальневосточной России в XIX и начале XX вв. обусловлено, в том числе, содействиями местного населения, которое по принуждению, из корыстных побуждений или по мотивам «пообратимства» помогало преступникам [8].

Ситуация осложнялась еще и тем, что на фоне разгула трансграничной преступности на заселяемых территориях стали создаваться отряды самообороны из местного населения, что, в свою очередь, приводило к разгулу самоуправств и самосудов, росту числа незаконных вооруженных формирований и как следствие – к открытому игнорированию российских законов как местным населением, так и трансграничными мигрантами [17].

Приведённые примеры иллюстрируют недостатки миграционной политики и ограниченность возможностей государственной власти обеспечить собственную безопасность на малоосвоенной территории. Результатом этого стали значительный рост организованной трансграничной преступности, дефицит доверия местного населения институтам государственной власти, правовой нигилизм и самоуправство.

Во время Гражданской войны на Дальнем Востоке России и оккупации этих территорий иностранными интервентами миграционная активность гражданских лиц иностранного подданства значительно снизилась. Как отмечалось в газете «Известия» от 30 ноября 1919 г., в этот период наблюдался отток из России некоторых категорий мигрантов, часть из которых выдворялась принудительно. До начала чехословацкого мятежа в мае 1919 г. правительство вновь созданной РСФСР сумело организовать депортацию с территории Сибири и Дальнего Востока более 40 тыс. иностранцев, преимущественно китайцев и корейцев.

Однако руководство Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)), стремясь к установлению советской власти на Дальнем Востоке, быстро сориентировалось в непростой военно-политической обстановке и стало активно налаживать связи с обездоленным населением северного Китая и Кореи, что позволило в кратчайшие сроки заручиться их поддержкой и даже привлечь на сторону Красной армии китайских добровольцев, в том числе и из хунхузов, а также другого криминалитета. Так, по мнению историка-востоковеда А.Г.

Ларина, советская власть стремилась привлечь на свою сторону вооруженные отряды, действовавшие на территории Маньчжурии (по-видимому, те самые, кого местное население называло хунхузами) [8].

Ко времени образования ДВР в южных и центральных районах Приморья отмечался значительный рост корейской диаспоры. Миграционная привлекательность этих территорий для корейцев была вызвана земельным изобилием и относительно либеральным, по сравнению с действовавшим в то время на Корейском полуострове оккупационным режимом Японии. Граница же между Россией и Кореей в этот период охранялась весьма условно, и уже к 1920 г. на территории России проживало до 100 тысяч корейцев, при этом в Приморском крае они составляли примерно 1/3 от всего населения. А центром расселения корейских иммигрантов стал Посъетский район (современный Хасанский район) Приморского края. Корейские переселенцы в этом районе составляли до 90% населения, что представляло реальную угрозу демографической и миграционной безопасности, а также суверенитету России в этом районе. К началу XX в. на российском Дальнем Востоке действовали многочисленные корейские школы, работали издательства и выходили газеты на корейском языке. Вместе с тем, Россия стала и центром политической иммиграции. После оккупации Японией в 1905 г. Корейского полуострова в Россию стали иммигрировать корейцы, преследуемые японскими властями за участие в сопротивлении. Кроме этого, на российской территории укрывались и разбитые японцами корейские партизанские отряды. Переходили на российскую территорию и подразделения регулярной корейской армии, которые отказались подчиниться отданному японцами приказу о разоружении.

Установление советской власти на Дальнем Востоке, а также новые политические и социально-экономические процессы оказали существенное влияние на миграционную активность населения и структуру миграционных потоков. Это оказало существенное влияние на формирование новых криминальных угроз и криминогенных рисков. Так, в отчете МВД ДВР за второе полугодие 1921 г. отмечалось, что совершенные в это время преступления превысили количество преступлений за аналогичный период 1914 г. примерно в 400 раз [11]. Недостатки пограничного контроля в виду нехватки ресурсов из-за чрезвычайной протяженности государственной границы, неосвоенность природных ресурсов в приграничных территориях, а также существенные различия рыночных цен в России и сопредельных государствах Восточной Азии, отсутствие договоров об экстрадициях преступников и часто недоброжелательные отношения властей сопредельных государств создавали благоприятные условия для трансграничной преступности. Скрывавшиеся в Китае преступники чувствовали себя вне опасности. Проживая там почти легально, они переходили на российскую территорию исключительно с целью криминального промысла [19].

Наиболее распространенным видом преступного промысла среди иностранцев в пограничных районах

Дальнего Востока в начале XX в. являлась контрабанда товарно-материальных ценностей, которые часто имели стратегическое значение для вновь образованной республики, что, вероятно, было связано с установлением запрета беспошлинного ввоза товаров на территорию России со стороны Японского моря, от Владивостока к северо-востоку вплоть до Николаевска, а также по течению Амура до Хабаровска [6]. Беспошлинным перемещением товаров занимались не только профессиональные контрабандисты, но и те, кто переходил границу в поисках сезонного заработка на золотых приисках, маковых плантациях и сборе дикоросов. В свою очередь, рост трудовой иммиграции был связан с разрушением промышленного потенциала региона за годы Гражданской войны и социальных катаклизмов. Особенно это затронуло рыбный промысел, золотодобывающую и лесопромышленную отрасли, определявших экономический потенциал этих территорий.

Ужесточение миграционной политики в первые годы советской власти и социально-экономические проблемы в Китае спровоцировали значительный рост незаконных пересечений государственной границы. Особенно много нелегалов поступало из приграничной провинции Чи-фу (совр. Шань-дунь), где плотность населения достигала 2 тыс. чел. на 1 км² и откуда отмечался интенсивный исход китайской бедноты в поисках заработка. Летом 1925 г. масштабы китайской миграции приняли угрожающий характер. Дальбюро ЦК РКП(б) и Дальревком создали специальную комиссию, однако последняя фактически не смогла предпринять эффективных мер в предусмотренных законом рамках. Борьба с нелегальной миграцией сводилась к направлению многочисленных дел в отношении задержанных за нарушение иммиграционного режима в народные суды. Однако задержанных нелегалов часто не могли взять под стражу из-за переполненности тюрем, и они вновь нарушали миграционный режим, иные же меры в подобных условиях не могли эффективно противодействовать нарушениям государственной границы, сама же граница практически не охранялась в виду отсутствия должных средств. Преступления, связанные с незаконным пересечением государственной границы, только по Забайкалью составляли более 52% среди всех преступлений против порядка управления. В Приморье и Амурской области этот показатель был значительно выше. Так, в октябре 1925 г. в Никольск-Уссурийский в исправительно-трудовой дом за несколько дней были доставлены до 800 чел., и дело дошло до того, что помощник прокурора был вынужден распорядиться более не принимать задержанных в виду отсутствия свободных мест [19].

В Китае же получили распространение конторы по вербовке и отправке людей в Приморье и на Хинган для добычи ценного медицинского сырья – корней женьшеня, применяемого в восточной медицине. Цена женьшеня достигла 5 тыс. руб. за корень, что было сопоставимо с ценами на золото. Искателей женьшеня прибывало на российскую территорию от 4 до 6 тыс. в год, и все они пересекали государственную границу незаконно, при этом создавая в глухих таежных районах неле-

гальные поселения. Так, по оперативным данным, в одном только Хабаровском уезде летом 1923 г. проживало до 3 тыс. корейцев и китайцев, 98% из которых не имели разрешительных документов [11].

После завершения сезонных работ часть незаконных промысловиков возвращалась на родину, другая оседала в многочисленных корейских и китайских поселениях. Выходившие по окончании сезона из тайги добытчики часто подвергались грабежам и разбойным нападениям хунхузов. Так, с ноября 1924 г. по февраль 1925 г. только в Амурской области было совершено 243 таких нападений. И только к 1930 г. хунхузничество в пределах территории СССР было прекращено, что связано, прежде всего, со значительным увеличением военного присутствия на границе с Маньчжурией и массовой депортацией китайцев, а также ужесточением пограничного и миграционного контроля [18].

Плохо управляемые миграционные процессы в первой половине XX в. на столько отрицательно влияли на криминогенный фон в сопредельных территориях России, что на борьбе с криминальной миграцией и трансграничной преступностью в целом была сосредоточена вся система безопасности СССР, действовавшая на этой территории, включая ее внутренние и внешние компоненты: правоохранительные органы, пограничную охрану и даже армейские соединения.

Незаконный оборот наркотиков и алкоголя в приграничных районах Дальнего Востока являлся благоприятным фоном для организации всевозможных притонов и проституции. Кроме традиционных причин, этому способствовали некоторые социально-демографические особенности этих регионов, а именно, соотношение мужчин и женщин в составе населения. Так, в среднем на каждые 100 представителей мужского пола приходилось 88 женщин, тогда как, например, в Псковской губернии на то же количество мужчин в составе населения приходилась 121 представительница женского пола. Кроме того, на Дальнем Востоке соотношение мужчин и женщин менялось в сторону увеличения мужского населения за счет постоянно прибывающих мужчин-иностранцев, особенно китайцев. Так, на 57 тыс. учтенных лиц мужского пола китайской национальности в 1925 г. приходилось всего 3 тыс. женщин-китаянок, в примерном соотношении – 100 мужчин на 5 женщин. Преобладание в Дальневосточном регионе России мужского населения порождало спрос на соответствующие услуги, тогда как в ее Европейской части преобладание женского населения создавало условия для предложений этих услуг. Так, в течение 1925 г. только на территории российского Дальнего Востока было обнаружено 236 притонов проституции, тогда как в 38 губерниях России в этом же году выявлено 240 притонов, что составило в среднем по 27–28 притонов на каждую губернию. Для сравнения: в 1925 г. в Забайкальской губернии было выявлено 55 притонов проституции, на Амуре – 56, в Приморье – 125 [15].

Некоторые особенности миграционных процессов и их влияния на криминологические аспекты миграционной безопасности в первые годы советской власти обус-

ловлены экономической политикой советского государства в отношении иностранцев. На долю всей азиатской миграции в 20-е гг. XX в. приходилось 37,4% крестьянских хозяйств и 59% всей частной торговли [16]. На них и была в первую очередь направлена объявленная советской властью экспроприация частной собственности. Первые экспроприации были проведены еще в начале Гражданской войны, нередко на основании постановления местных властей или «реввоенсоветов». Однако уже в 1927 г. был принят закон, на основании которого имущество, изъятое до 22 мая 1922 г., не возмещалось собственнику в какой бы то ни было форме. Это же правило распространялось и на иностранцев. Утратившие имущество иностранцы безрезультатно жаловались в свои посольства и дипломатические представительства на Дальнем Востоке, и даже в Москве [8].

Другой способ разорения предпринимательского сообщества иностранных мигрантов характеризовался чрезвычайно обременительной налоговой политикой и принудительными государственными займами. Кроме этого, наиболее предприимчивым мигрантам советская власть инкриминировала контрабанду, незаконный оборот оружия и наркотиков, нарушение пограничного режима и шпионаж. В связи с этим мигрантов осуждали к различным наказаниям, либо переселяли в еще более отдаленные места или выдворяли за пределы СССР. Советская администрация всячески способствовала вытеснению мигрантов, особенно с территории азиатской части РСФСР [20].

Разоренные советской властью иностранные фермеры и предприниматели, как правило, возвращались на родину, однако те, кто оставался без средств существования, искали выход в криминальном промысле: браконьерстве, контрабанде, проституции и воровстве, пополняли банды хунхузов [18].

В 1949 г., после провозглашения Китайской Народной Республики, между КНР и СССР в виду близости идеологических позиций установились дружеские, и даже братские отношения, которые продолжались до 1959 г.

В этот период значительно увеличилась учебная и трудовая иммиграция из Китая, Корейской Народной Демократической Республики и Монголии. Однако уже в 1964 г. в виду территориальных разногласий между КНР и СССР возник острый дипломатический конфликт по поводу отстаивания китайской стороной права проживания китайцев в поселениях на спорных территориях. Кульминацией конфликта явилось вооруженное столкновение на пограничном острове Даманском (р. Уссури), что фактически привело к разрыву дипломатических отношений между КНР и СССР. В результате этого конфликта миграционный обмен между двумя государствами практически не осуществлялся на протяжении более чем двух десятилетий.

С нормализацией политических и социально-экономических отношений между Китаем и СССР на рубеже 1980–1990-х гг. миграционный процесс был восстановлен. После распада СССР новую Россию охватил один из жесточайших и глубоких за всю предыдущую

историю кризис, приведший к деградации всей сферы общественных отношений, и для измученных экономическими проблемами россиян приход китайских коммерсантов с их товаром было своего рода спасением.

Уже в 1993 г. Россию посетили более 750 тыс. китайцев. Неготовые к приему такого количества иностранных мигрантов, административные и правоохранительные органы РФ были не в состоянии организовать эффективный контроль и даже учет прибывающих иностранцев [8]. В этой связи 6 декабря 1993 г. правительством РФ, хотя и с большим опозданием, был установлен визовый режим пересечения Государственной границы китайскими гражданами, а 16 декабря был издан Указ Президента России «О мерах по введению иммиграционного контроля в пунктах пропуска через границу». 23 декабря 1993 г. состоялось подписание межправительственного соглашения «О визовых поездках граждан России и КНР». И только в 1994 г., когда неконтролируемые иммиграционные потоки фактически захлестнули страну и стали реальной угрозой национальной безопасности России, были созданы посты иммиграционного контроля.

В этот период состав иностранной миграции, оседающей на Дальнем Востоке России, в основном определяли граждане КНР, так как на их долю приходилось примерно 86% от всей трансграничной миграции на этих территориях. Начинала также активизироваться миграция из ставших независимыми в результате распада СССР государств Средней Азии и Закавказья.

Вторая половина 1990-х и начало 2000-х гг. отмечены специалистами как период высокой миграционной подвижности населения. Начался динамичный отток проживавшего на Дальнем Востоке России населения, как в западные и юго-западные регионы страны, так и за рубеж. Совокупные демографические потери Дальневосточного ФО в этот период (по примерным подсчетам) составили 1,8 млн чел., что равно 22% от максимальных показателей проживающих в округе [3].

На фоне миграционной убыли населения Дальнего Востока России наблюдался рост миграции из зарубежья, значительная часть которой была нелегальная. А вновь созданная система миграционного учета и контроля проявляла свою несостоятельность в виду отсутствия опыта подобной деятельности в советский и постсоветский период, недостатков миграционного законодательства и неразвитости административного регламента деятельности ФМС России, высочайшего уровня коррупции, поразившей правоохранительную систему вообще и систему регулирования миграционных отношений в частности [9]. Но если в европейской части России недостатки контроля над миграционными процессами компенсировались высокой плотностью собственного населения, то в менее населенной восточной части России масштабы неконтролируемой миграции стали приобретать угрожающий характер.

В СМИ и других источниках информации стали высказываться мнения об угрозе иммиграционной экспансии и о постепенном, но вместе с тем неизбежном отчуждении от России её восточных территорий, что, в

свою очередь, провоцировало еще больший отток местного населения [12]. Так, например, в статье «Перспективы китаизации России», опубликованной в одном из номеров публицистического издания «Российская Федерация сегодня», фактическое число китайцев, пребывающих на территории нашей страны, оценено в 8 млн чел. (больше не называл никто). Из них большинство, по данным, обнаруженным руководителем Федеральной миграционной службы К.О. Ромодановским, проживают на территории России без регистрации. Китайские общины существуют автономно в лесах, куда не «суются» даже представители правоохранительных органов [4]. Не менее безопасно чувствуют себя китайские иммигранты и в городах, где образуют зоны их компактного проживания. Данная ситуация взята под контроль, кроме решения вопроса в принципе, с точки зрения принятия решения о формировании обоснованной и надежной системы обеспечения миграционной безопасности России [13, 14].

Таким образом, на территории российского Дальнего Востока проблемы обеспечения миграционной безопасности были актуальны и в ретроспективе, и остаются таковыми в настоящее время. В прошлом миграционная преступность выражалась в крайних её формах – в массовом нелегальном пересечении государственной границы, в разгуле банд хунхузов, в пограничных конфликтах вооруженного характера и др. Однако Российская Федерация находила государственные решения, направленные на ослабление и даже искоренение миграционной опасности на восточных рубежах. Для этого комплексно применялись меры правового, в том числе криминологического, репрессивного и военного характера. Устанавливались правила легального пересечения границы, усиливался пограничный контроль, осуществлялись депортация и привлечение к суду нелегальных мигрантов.

Ретроспективный анализ миграционных процессов в дальневосточной части России, с точки зрения их влияния на состояние миграционной безопасности государства вообще и криминологической составляющей этого явления в особенности, приводит к выводу, что и в настоящий период имеют место миграционные процессы, подобные прошлым и зависимости между характером осуществляемой государством миграционной политики и состоянием миграционной безопасности государства. Попытки регулировать эти процессы только на основе экономической целесообразности, не учитывая правовые и геополитические аспекты, как показывает опыт прошлого, не могут увенчаться успехом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азиатская Россия / Под общ. рук. Г.В.Глилки. В 4-х т. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб: Издание Переселенческого Управления Главного Управления землеустройства и земледелия России, 1914. 719 с.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф.188. Оп.761. Д.757. Л.164; Ф.188. Оп.761. Д.757Л.Л.206.
3. Белобородов И. И. Демографическая ситуация в России в 1992–2010 гг. Два десятилетия депопуляции /

- / [Электронный ресурс] Демография.ру 30.06.2011.
4. Гильбо Е.В. Перспективы китаизации России // Российская Федерация сегодня. 2004. № 13. С. 63–65.
 5. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды амурской экспедиции. СПб., 1912. С. 12–22.
 6. Качкина Г.П. История борьбы таможенных органов с контрабандой // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 1998. № 4. С. 122–126.
 7. Киселёв Д.В. Связи российских подданных с китайской преступностью Дальнего Востока в начале XX в. // «Вопросы истории». 2010. № 11. С. 142.
 8. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга. 2009. 512 с.
 9. Никитенко И.В. Должностная преступность в системе обеспечения миграционной безопасности государства // Вестник Московского университета МВД России. М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России. 2009. № 6. С. 159–162.
 10. Позняк Т.З. Статус иностранцев в России и ситуация в дальневосточном регионе в конце 50-х–70-е гг. XIX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск, 2002. С. 391–396.
 11. Романов И.А. Как избежать потери Дальнего Востока: [Электронный ресурс] <http://www.iaromanov.ru>
 12. Ромодановский К.О.: «Погромов, как в Париже, в России не будет!»: Интервью 29.02.2008.; Труд и занятость в России. 2007: статистический сб. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2007. С. 292.
 13. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф.р.2640. Оп.1.Д.32. Л.46.
 14. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф.р.246. Оп.1. Д.46.Л.62.
 15. Статистический бюллетень. Хабаровск, 1925. № 14–15. С. 25–26.
 16. Статистический вестник Дальнего Востока. К. 1, январь – июнь, 1924. С. 122–130.
 17. Сухачёва Г. А. «Бич страны»: Хунхузы в Маньчжурии и Приморье в 20-е годы XX в.» // Россия и АТР. Владивосток, 1992. № 1. С. 92–103.
 18. Худяков П.П. Борьба с хунхузничеством на Дальнем Востоке России в 1920 – 1925 гг. // Совершенствование деятельности органов внутренних дел в современных условиях: Сборник научных трудов по материалам региональной Межвузовской научно-практической конференции 27 апреля 2001 г. Хабаровск, 2001. Ч. III. С. 341–350.
 19. Худяков П.П. Влияние иностранной миграции на формирование криминогенной обстановки в дальневосточном регионе в 20-е годы XX века // Деятельность органов внутренних дел по обеспечению прав и свобод мигрантов и коренных малочисленных народностей: материалы междунаро. семинара. Хабаровск, 2004. С. 62–65.
 20. Чернолуцкая Е.Н. Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 4. С. 135 – 136.

In the Russian Far East migratory processes occurred in the past and take place nowadays. They have a specific character dependent on the features of development of the Russian eastern territories, political events and a great extension of borders with the other countries of Asia. At all times the internal and transboundary migration is accompanied by migrant criminal displays. With a different degree of success the Russian state tried and tries to counteract it, in order to provide its migratory safety. Nowadays, the analysis of counteraction experience is necessary for the elaboration of criminological feasibility of migratory safety in this part of Russia.

Keywords: *migratory processes, foreign migration, migratory safety, illegal migration, criminal threats and risks, social tension.*